

APOLOGIA PRO VITA SUA: Эразм Роттердамский о своем неудачном опыте монашества

Л.В. Софронова, Т.Г. Чугунова

Аннотация. Предлагается первый русский перевод известного письма нидерландского гуманиста Эразма Роттердамского его давнему другу Серватию Рогеру от 8 июля 1514 г. Письмо является ответом на требование приора вернуться в монастырь августинских каноников в Стейне, членом которого гуманист являлся с 1487 г. Данный эпистолярный источник следует рассматривать в контексте «новой биографической истории». Уход Эразма из монастыря рассматривается как проявление ренессансного индивидуализма. При объяснении апостасии гуманиста следует обратить большее внимание на его персональную ситуацию: не столько недостатки всего монашеского сообщества, сколько физическая и психологическая непригодность к монашеской жизни самого Роттердамца обусловили его уход из Стейна. Предлагается интерпретировать послание как опыт саморепрезентации автора. Эразм сознательно отбирает автобиографические сведения, демонстрирует миру нужный образ себя. Оправдание своего ухода из монастыря гуманист превращает в апологию *modus vivendi* ренессансного интеллектуала.

Ключевые слова: новая биографическая история, Эразм Роттердамский, монашество, августинские регулярные каноники, Серватий Рогер, Возрождение, гуманизм, автобиография, саморепрезентация, литературный патронат.

Для цитирования: Софронова Л.В., Чугунова Т.Г. Apologia pro vita sua: Эразм Роттердамский о своем неудачном опыте монашества // Преподаватель XXI век. 2024. № 1. Часть 2. С. 332–345. DOI: 10.31862/2073-9613-2024-1-332-345

APOLOGIA PRO VITA SUA: Erasmus Roterodamus on His Failed Monastic Attempt

L.V. Sofronova, T.G. Chougounova

Abstract. The article presents the first Russian translation of a famous letter from the Dutch humanist Erasmus of Rotterdam to his longtime friend Servatius Rogers, dated July 8, 1514. The letter is a response to the Prior's demand to return to the Augustinian canon monastery in Steyne, of which the humanist had been a member since 1487. This epistolary source should be considered in the context of the “new biographical history”.

© Софронова Л.В., Чугунова Т.Г., 2024

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Erasmus's renouncing of the monastery is seen as a manifestation of Renaissance individualism. In explaining the humanist's apostasy, more attention should be paid to his personal situation: it was not so much the shortcomings of the entire monastic community as the physical and psychological maladjustment to monastic life of the Rotterdam man himself that caused his departure from Stein. It is suggested that the epistle should be interpreted as an experience of the author's self-representation. Erasmus deliberately selects autobiographical information demonstrates to the world the necessary image of himself. The humanist turns his justification for leaving the monastery into an Apology for the modus vivendi of a Renaissance intellectual.

Keywords: *new biographical history, Erasmus of Rotterdam, monasticism, Augustinian regular canons, Servatius Roger, Renaissance, humanism, autobiography, self-representation, literary patronage.*

Cite as: Sofronova L.V., Chougounova T.G. Apologia Pro Vita Sua: Erasmus Roterodamus on His Failed Monastic Attempt. *Prepodavatel XXI vek*. Russian Journal of Education, 2024, No. 1, part 2, pp. 332–345. DOI: 10.31862/2073-9613-2024-1-332-345

Цель настоящей публикации состоит в представлении русскоязычному читателю сложного и значимого источника по европейской религиозной истории предреформационного периода: послания [1, t. 1, p. 564–573, Ep. 296] известного нидерландского гуманиста Эразма Роттердамского (1467–1536) своему давнему знакомому Серватию Рогеру (ум. 1540). Письмо было написано 8 июля 1514 г. во время краткого пребывания в замке Хэм (близ г. Кале), принадлежавшем английскому покровителю гуманиста лорду Маунтджою, на пути из Англии в Нидерланды. Серватий был земляком гуманиста и в 1487–1493 гг. его сотоварищем в Стейне — голландском монастыре, принадлежавшем ордену августинских уставных каноников Утрехтской епархии. Эразм оказался в монастыре, вероятно, двадцатилетним юношей [2]. Этот шаг был вынужденным, но закономерным для незаконнорожденного сына священника, во время чумы потерявшего обоих родителей, лишённого поддержки остальных родных, страдавшего от приступов лихорадки, бедности, давления опекунов [3]. И традиционным для интеллектуала того времени. Ко времени вступления Эразма в новициат, Серватий уже принял монашество. Молодых людей связывали дружеские отношения и интерес к классической словесности, для изучения которой монастырская библиотека располагала значительной коллекцией рукописей античных авторов. Друзья упражнялись в классическом искусстве эпистографии: Эразм обменивался посланиями с Серватием и другими новициями. По окончании периода послушничества (год и один день) Эразм принял монашеский постриг, в 1492 г. рукоположен в сан священника. Однако в 1493 г. гуманист получил возможность покинуть Стейн. Заручившись разрешениями настоятеля монастыря, а также генерала своего ордена, он поступил на службу к епископу соседней Камбрейской епархии в качестве секретаря. Епископ планировал посетить Италию и нуждался в человеке, свободно владеющим латинским языком. Поездка не состоялась, однако в монастырь Эразм уже не вернулся. Временная отлучка затянулась более чем на два десятилетия. Несколько лет он учился богословию в Парижском университете, побывал в Италии, где получил степень доктора теологии Туринского университета, неоднократно бывал в Англии. Здесь он приобрел ученых друзей, влиятельных покровителей

из числа английского клира и придворной элиты [4], преподавал древнегреческий язык в Кембриджском университете и удостоился должности профессора богословия Леди Маргарет (1511 г.) [5]. За эти годы Эразм обрел европейскую известность как автор многих литературных, экзегетических, филологических, педагогических трудов и стал признанным главой европейского гуманистического сообщества. В январе 1506 г. папа Юлий II в знак признания его заслуг предоставил гуманисту диспенсацию, освобождавшую того от ограничений, обусловленных фактом незаконного рождения (*defectum natalium*). Согласно диспенсации, Эразм, во-первых, получил право занимать церковные должности и, следовательно, иметь постоянный источник средств к существованию; во-вторых, оставаясь августинским каноником, быть свободным от «установлений и обычаев монастыря Стейн в Голландии, ордена св. Августина в Утрехтской епархии» [1, т. 3, р. XXIX–XXX, Ер. 187 А]. Таким образом, в одежде и образе жизни Роттердамец мог соотноситься с обычаями той страны, где находился.

Последнее было чрезвычайно важно для гуманиста, т. к. он много путешествовал. Список только тех городов, где он останавливался на достаточно продолжительный срок, включает Париж, Орлеан, Лувен, Лондон, Оксфорд, Кембридж, Турин, Болонью, Флоренцию, Венецию, Падуя, Рим, Фрайберг, Вена, Брабант, Антверпен, Базель [6]. При всем этом Эразм формально оставался членом монашеской общины в Стейне и по принесенному обету послушания должен был подчиняться требованиям монастырского начальства. С 1504 г. приором монастыря стал Серватий, который неоднократно и настойчиво убеждал бывшего друга вернуться. Роттердамец также не отвергал своей связи со Стейном и обязанностей, вытекающих из обетов. Свидетельство тому обнаруживается в нескольких очень кратких письмах Эразма Рогеру в 1505–1506 гг., в которых гуманист, оправдывая свое отсутствие в монастыре, вынужден в извинительном тоне приводить причины своих поездок то в Англию, то в Италию [1, т. 1, р. 220, 420, 431, 433, Ерр. 185, 189, 200, 203]. Наконец, 7 июля 1514 г., остановившись в крепости Хэм на пути из Лондона в Антверпен, Эразм получил последнее послание Серватия, которое было написано еще в апреле и прошло через многие руки. Письмо это не сохранилось. Из ответа Эразма можно установить, что оно в очередной раз содержало настоятельное требование августинскому канонику Дезидерию Эразму вернуться в Стейн, а также упреки в нарушении Роттердамцем уставных норм в отношении облачения и кочевого образа жизни. Видимо, о диспенсации Юлия II Серватий не был извещен.

Затронутая проблема затянувшегося отсутствия в монастыре и нарушения норм устава была неприятна для Роттердамца, заботившегося о своей репутации; возможно, поэтому он не постарался сохранить письмо Серватия и никогда не публиковал свой ответ на него. Письмо не переводилось на русский язык и малоизвестно в отечественной эразмиане [7]. Возможно, отсутствие интереса ученых обусловлено тем, что содержащееся в нем негативное отношение к монашеству более ярко и красноречиво выражено в других Эразмовых сочинениях. Критические, но довольно сдержанные выражения из письма к Серватию не добавляют нового к блистательной сатире в «Похвале глупости», «Разговорах запросто». На наш взгляд, изучение данного эпистографического памятника в контексте «новой биографической истории» [8] представляется более перспективным.

Прежде всего, в Эразмовой истории его монашеской апостасии обнаруживаются черты европейского ренессансного индивидуализма, когда личность осмысливает себя

либо в отдельности от других, либо даже в противостоянии с другими [9]. В данный контекст органично вписываются многословные lamentации Роттердамца на непонимание его интеллектуальных устремлений со стороны других монахов. Своих собратьев по монастырю Эразм свысока называет «самыми незначительными людьми», упрекая их в зависти к нему. Это присуще многим ренессансным гуманистам: восприятие себя в противопоставлении с «варварами», к которым они относили схоластов, церковных интеллектуалов, всех тех, кто не разделял их увлечения классической ученостью. Так и в Эразмовой переписке периода Стейна встречаются сетования на неудовольствие старших братьев-монахов в отношении его дружеского общения с Серватием, другими новичиями и молодыми монахами. Полагаем, здесь проявляется конфликт в понимании ценности и смысла *vita monastica*. Роттердамец пришел в монастырь не ради ухода из мира или служения ему в качестве каноника, а в силу трагических обстоятельств жизни. Он надеялся обрести там спокойную и обеспеченную в материальном плане жизнь, а также возможности для литературных занятий и дружеского общения. Своими учителями он почитал римских (нехристианских) поэтов и писателей. Так, в одном из писем из монастыря 1489 г. гуманист сообщал список наиболее ценимых им авторов: «У меня есть наставники, которым я следую, <...> В поэзии у меня есть Вергилий, Гораций, Овидий, Ювенал, Стаций, Марциал, Клавдиан, Персий, Лукан, Тибулл, Проперций; в прозе — Цицерон, Квинтилиан, Саллюстий, Теренций <...> я бы не осмелился обратиться к тому, что не было затронуто в их трудах» [1, t. 1, p. 99, Ep. 20]. Отметим, что столь серьезная начитанность в области классической литературы может косвенно свидетельствовать о хорошей монастырской библиотеке и поколебать аргументы Роттердамца о «варварском» окружении в монастыре. Однако Эразмово почитание языческих авторов как наставников жизни и восприятие обители как литературного кружка, а послушничества — как уроков по римской литературе закономерно вызвали негативную реакцию других братьев, которые искренне видели в монастыре место для духовного совершенствования и спасения души, а в увлечении классической литературой усматривали угрозу для чистоты христианской религии и церкви.

Тема Эразмова неудачного опыта монашества и канониката является центральной в тексте письма. Нельзя отрицать, что в послании содержатся объективные свидетельства охлаждения веры, формализации религиозной жизни в среде уставных каноников. Так, следует констатировать, что время новичиата для послушника Эразма прошло безрезультатно. Ни в данном тексте, ни в других письмах из Стейна нет данных об изучении братьями Священного Писания «в тишине кельи», которого требует Устав св. Августина. Видимо, наставник послушников — в письме он назван «по-иудейски суеверным» — не смог осуществить должного духовного руководства. Ни он, ни настоятель, ни старшие братья не помогли приспособиться новичку к порядкам жизни ордена, пению, богослужению. Удивляет и другое: приор («блаженной памяти господин Николас Вернер¹»), видя, что устремления юноши не соответствуют ни монашеству, ни священству, тем не менее допустил его до принятия обетов и рукоположения в сан. Видя несовместимость устремлений нового послушника требованиям устава, он лишь рекомендовал ему после рукоположения поступить на службу к какому-либо епископу в качестве секретаря. Что касается упомянутых Эразмом праздности братии, пустых разговоров, мирских пирушек, формального исполнения служб («холодные иудейские

¹ Николас Вернер (Claes Warnerszoon, ум. 1504) — приор Стейна до 1504 г.

обряды»), то, на наш взгляд, допустимы два варианта интерпретации: либо это действительно характерные черты позднесредневекового монашеского *modus vivendi*, либо проявление того же ренессансного индивидуализма, усиленного необходимостью оправдать себя. В пользу последнего варианта приведем несколько доводов. Во-первых, в письмах периода Стейна не встречается подобное критическое описание братии; корреспонденция посвящена темам дружбы, классическим штудиям, совершенствованию своего литературного стиля. Отметим, что нет и упоминаний об отрицательном отношении к аскетическим практикам: о непереносимости уставного поста, режима ночных богослужений. Нельзя исключать возможность проявления в письме 1514 г. более позднего житейского опыта, после Стейна. Во-вторых, уместно указать на весьма взвешенную оценку монашества в трактате 1489 г. «О презрении к миру» (*De contempt mundi*), написанного по просьбе Теодорика Харлемского, каноника из Стейна, с целью убедить его племянника присоединиться к ордену [10]. Трактат опубликован намного позже, в 1521 г., но основной текст (11 глав из 12) написан в конце 1480-х гг. Главы с первой по седьмую этого сочинения посвящены описанию опасностей и пороков мирской жизни; главы с восьмой по одиннадцатую повествуют о преимуществах *vitae monasticae*. «Спасутся ли одни монахи? А все остальные идут на смерть? Нисколько <...> Я не говорю, что, поступив в монастырь, человек тотчас же так надежно устроил свои дела, что может жить совершенно беззаботно. Разница между этими двумя видами жизни так же велика, как разница между человеком, который уже плывет в гавани, хотя его корабль еще не пришвартован, и человеком, которого все еще несет в открытом море <...> Человек, который остается в этом мире, не обречен, но он находится в большей опасности» [там же, с. 64]. Спасение доступно каждому, но монаха охраняют обеты бедности, целомудрия и послушания. Три главы — третья, четвертая и девятая — написаны как конкретная защита монашеских обетов, в них Эразм весьма убедительно подчеркивает свободу, спокойствие и удовольствия, которые можно найти только в стенах монастыря. Отсюда следует, что при объяснении апостасии гуманиста следует обратить большее внимание на его персональную ситуацию: не столько недостатки всего монашеского сообщества, сколько физическая и психологическая неприспособленность к монашеской жизни самого Роттердамца обусловили его уход из Стейна. Своим личным впечатлением он придал обобщающий характер и сделал их основой для самооправдания, превратив обращение к приору в апологию своей жизни.

Послание Серватию автобиографично, сам автор представляет его как «краткий обзор моего образа жизни и моих размышлений». Его следует интерпретировать как опыт саморепрезентации автора. Соответственно, исследователю важно обратить внимание, о каких гранях своей личности предпочитает писать Эразм, какое видение своей жизни предлагает адресату. Прежде всего, это описание слабого здоровья и болезней гуманиста. Медицинская тема настолько часто встречается в корреспонденции Роттердамца, что уже привлекала внимание историков [11]. Данные из письма Рогеру предоставляют дополнительную информацию для исследования в жанре «культурной истории медицины». Важен также раздел о покровительстве гуманисту видных представителей церковной и политической элиты. Эта часть письма представляет большой интерес для исследований литературного патроната как разновидности неформальных связей в сфере социокультурных практик. Патрон-клиентские отношения являлись нормой интеллектуальной жизни эпохи Возрождения, и сообщаемые Эразмом данные показы-

вают материальную и этическую стороны литературного патроната [12]. Укажем также на пассаж, касающийся книжной темы, где процесс тщательного отбора информации наиболее очевиден. Эразм не упоминает «Похвалу глупости», которая после выхода в свет в 1511 г. была в ближайшие месяцы переиздана семь раз. Обойдены молчанием труды по изданию античных авторов: Либания, Еврипида, Лукиана, Плутарха. В данных строках письма проступает абрис такого интеллектуального автопортрета Роттердамца, который был уместен в обращении к приору монастыря. В совокупности это те самые грани личности и жизненного пути, сознательно манифестируемые автором и рисующие нужный ему образ себя.

Наконец, отметим ряд коротких пассажей, в которых Эразм невольно, вопреки желанию, сообщает о себе неоднозначную информацию. Так, негативные явления церковных практик характеризуются автором письма как «иудейские обряды» (*Iudaicas caeremonias*), наставник послушников «по-иудейски суеверный» (*Iudaice superstitiosus*), что позволяет поставить вопрос о проявлениях бытового антисемитизма и более общий — об отношении ренессансного христианского гуманиста к «другим» [13; 14]. Фраза о своей склонности к большим порокам (*ad magna vicia fuisse propensum*) и неоднозначное утверждение «Похотям плоти никогда не служил, хотя в прошлом временами бывал склонен» (*Voluptatibus, etsi quondam fui inclinatus, nunquam seruiui*) дают пищу для размышлений о характере дружбы, некогда связывавшей Эразма и Серватия [1, т. 1, р. 584–586; 15; 16]. Эти оговорки дают основание для формулирования дополнительных исследовательских задач.

Эразм Роттердамский. Послание Серватию Рогеру (№ 296)

Преподобному отцу Серватию Эразм шлет привет.

Честнейший отец, твое письмо, пройдя через великое множество рук, наконец, и до меня дошло, только уже после того, как я покинул Англию. Оно доставило мне поистине невероятное удовольствие, поскольку и ныне дышит тем давним твоим ко мне благорасположением. Отвечу же кратко, поскольку пишу уже с дороги, и только на те пункты, которые, как ты пишешь, более всего относятся к делу. Суждения людей настолько разнообразны, у каждой из птиц своя песня, потому всем угодить невозможно. Я же твердо убежден, что, Бог мне свидетель, хотел бы заниматься тем, что является наилучшим. Ибо, если по-юношески я некогда и увлекался, то это давно было исправлено отчасти возрастом, отчасти жизненным опытом. Никогда у меня не было намерения менять образ жизни или одеяние не потому, что был со всем согласен, а потому, что не хотел стать кому-то соблазном. Ты ведь знаешь, что я к этому образу жизни не был склонен, только упрямство опекунов и непрекращающиеся угрозы других негодяев принудили меня. Впоследствии упреки Корнелия ван Вурдена² и моя детская стыдливость удержали меня там, хотя я и понимал, что такой образ жизни совсем не для меня, ведь не всем всё подходит. Из-за особенностей телесной природы я никак не мог переносить пост. Пробудившись от сна, я не мог снова заснуть, мне требовалось для этого несколько часов. Моя душа устремлялась к литературе, занятия которой там совсем не ценились; и я несколько не сомневаюсь, что если

² Корнелий ван Вурден из Гауды — бывший соученик и сосед по комнате Эразма в школе св. Либуина в Девентере, августинский каноник того же монастыря; Эразм обвиняет его в том, что он увлек юношу обманчивыми рассказами о преимуществах жизни в Стейне [17, vol. 1, p. 341].

бы я мог вести некий свободный образ жизни, то счел бы себя не только счастливым, но и благородным человеком.

Поэтому, хотя я осознавал, что совершенно не пригоден для такой жизни и принял ее не по доброй воле, а по принуждению, но поскольку в наше время общественное мнение считает грехом отклонение от некогда принятого образа жизни, я все же решил мужественно перенести свою несчастную судьбу. Ведь ты знаешь, насколько я был несчастен во многих отношениях. Но всегда считал худшим из своих несчастий быть принужденным к тому образу жизни, к которому я совершенно чужд и душой, и телом; душой, поскольку я ненавижу церемонии и люблю свободу; телом, потому что, даже если бы мне очень нравился такой порядок жизни, моя телесная природа не вынесла бы таких аскетических ограничений. Возможно, кто-то сейчас мне возразит, что был испытательный год — как его называют — и что я уже был не ребенок. Это смешно! Как и кто может требовать от шестнадцатилетнего мальчика³, имевшего преимущественно литературное образование, чтобы он познал себя, — что и для старика великое достижение, — или чтобы он научился за год тому, чего и многие седовласые еще не осознают! Я сам никогда не одобрял такой образ жизни, тем более, когда испытал его, но по причинам, которые раньше упомянул, дал себя заманить; хотя я признаю, что по-настоящему хороший человек преуспеет при любом образе жизни. Я не отрицаю и того, что был склонен к большим порокам, однако моя природа не была настолько испорчена, что если бы мне был дан подходящий наставник, истинный христианин, вместо того по-иудейски суеверного, то я мог бы принести добрый плод.

По всем этим причинам я стал искать, при каком образе жизни я был бы менее скверен; полагаю, что мне это действительно удалось. После отъезда я жил среди благоразумных людей, отдавшись литературным занятиям, которые уберегли меня от многих грехов. Я имел возможность общаться с людьми, действительно мудрыми во Христе, и благодаря беседам с ними я стал лучше. Я не хочу хвалиться моими книгами, которые вы все, пожалуй, презираете. Однако многие люди признаются, что, читая их, они стали не только образованнее, но и лучше. Жажда денег никогда не овладевала мной. Слава громкого имени для меня ничего не значит. Похотям плоти никогда не служил, хотя в прошлом временами бывал склонен. Разврат и пьянство всегда ненавидел и избегал. Но всякий раз, когда я думал о возвращении в вашу монашескую общину, мне вспоминались зависть многих собратьев, презрение ко всем, разговоры столь равнодушные, столь пустые, не содержащие ни малейшего намека на Христа, столь мирские трапезы; короче, весь порядок жизни; если убрать из него службы, я не понимаю, что в нем останется привлекательного. Наконец, я подумал о своей телесной немощи, еще более усугубленной годами, болезнями и тяжелыми трудами, которая, удовлетвори я вашу просьбу, погубит меня самого. Уже многие годы я страдаю от камней в почках — очень серьезного и опасного недуга. Уже многие годы, я не пью ничего, кроме вина, причем, не любого, и это из-за болезни. Я не могу есть всякую без разбора пищу и даже жить в каком угодно климате. Ибо моя болезнь, которая так легко возвращается, требует строжайшего ограничения условий жизни. Я знаю голландский климат, знаю ваш рацион питания, не говоря уже о вашем образе жизни. Поэтому, если бы я вернулся,

³ По уставу, новичий не может быть моложе 16 лет и должен пройти искусы в течение года и одного дня. Эразму в 1487 г. было двадцать лет, если год его рождения 1467 г. Дискуссию о дате рождения см. [2].

то не добился бы ничего другого, кроме причинения тебе неприятностей, а мне самому — смерти.

Но ты, видимо, считаешь, что большая часть счастья — это умереть среди своих собратьев. Однако такое мнение вводит в заблуждение и обманывает не только тебя, но и почти весь мир. Мы связываем Христа и благочестие с местом, одеждой, питанием и определенными церемониями. Мы считаем, что человеку конец, когда он меняет свою белую одежду на черную, меняет монашеский капюшон на берет или время от времени меняет место жительства. Я бы рискнул сказать, что великая гибель христианского благочестия произошла из-за так называемых монашеских орденов, хотя они и были созданы из стремления к благочестию. Потом они разрослись и разделились на шесть тысяч подразделений. Кроме того, власть верховных понтификов была во многих отношениях слишком мягкой и слишком снисходительной. Что же может быть более развращенным и порочным, чем вот эти религиозные братства? Если сравнить эти хваленые, даже восхваленные ордена, то уж не знаю, какой образ Христа там можно найти, кроме каких-то холодных, еврейских обрядов. Ими они наслаждаются, и на этом основании судят и порицают других. Насколько более согласовалось бы с учением Христа считать, что весь мир — это один дом, один монастырь, и все люди — братья-каноники и братья-монахи; верить, что таинство крещения есть важнейшее в церковной жизни, и обращать внимание не на то, где, а на то, как человек живет. Ты хочешь привязать меня к постоянному месту жительства, и старость тоже советует мне это сделать. Но люди восхваляют странствия Солона, Пифагора и Платона. Апостолы тоже странствовали, особенно Павел. Блаженный Иероним, тоже монах, и вот он то в Риме, то в Сирии, то в Антиохии, то где-нибудь еще и еще; и он был уже седым, когда еще занялся Священным Писанием⁴.

Согласен, что не должно сравнивать меня с ним; однако если я когда и менял место жительства, то это было вызвано чумой или по причине занятий, или здоровья, и где бы я ни жил (я ведь могу говорить о себе дерзко, но правдиво), меня почитали самые почтенные, хвалили самые достохвальные люди. Нет ни одной страны, будь то Испания, Италия, Германия, Франция, Англия, Шотландия, которая бы радушно не пригласила меня в гости. И если меня не все хвалят — к чему я не стремлюсь — первые люди меня очень любят. В Риме не было ни одного кардинала, который не принял бы меня как своего родного брата, хотя я несколько не искал этого; среди них — кардинал Сан-Джорджо⁵, кардинал Болоньи⁶, кардинал Гримани⁷, кардинал Нантский⁸, а также и тот, кто сейчас является верховным понтификом⁹; и я уже не говорю о епископах, архидиаконах и ученых мужах. И эти почести не были обязаны моему богатству, которого я и теперь не имею и не желаю; не моему чинопочитанию, которое всегда было мне

⁴ Иероним Стридонский (345–419) — христианский писатель, причислен к Отцам Церкви. Занимался переводом Библии на латынь с 380-х гг. до конца своей жизни.

⁵ Рафаэль Риарио (1461–1521) — непот Сикста IV, в 16 лет стал кардиналом-диаконом Сан-Джорджо ин Велатро в Риме.

⁶ Франческо Алидози (1455–1511) — кардинал-священник при папе Юлии II, апостольский администратор Болоньи в 1510–1511.

⁷ Доменико Гримани (1461–1523) — апостольский протонотарий, кардинал-священник Сан-Марко-на Капитолии в Риме.

⁸ Роберт Гибе (1459–1513) — французский прелат, дипломат при дворе Юлиуса II и Льва X; в 1503–1507 гг. кардинал Нанта.

⁹ Папа Лев X Медичи (1513–1521). Эразм знал его во время кардиналата.

чуждо; но только моим трудам, которые у наших земляков являются предметом насмешек, но очень ценятся итальянцами. В Англии нет ни одного епископа, который не радовался бы моему приветствию, не стремился бы стать моим сотрапезником, не желал принять у себя дома. Сам король незадолго до смерти отца, когда я был в Италии, написал мне собственноручно любезнейшее письмо¹⁰ и теперь тоже часто говорит обо мне с большим уважением и любовью, чем о ком-либо другом. Всякий раз, когда я навещаю его, он ласково обнимает меня и смотрит на меня с такой симпатией, что видно, что он думает обо мне так же хорошо, как и говорит. И часто поручал своему элезмозанарию¹¹ предоставить мне пребенду. Королева¹² пыталась привлечь меня в качестве учителя для себя. Нет никого, кто не знал бы, что если б я захотел провести хоть немного месяцев при королевском дворе, я накопил бы сколько угодно бенефициев; но эти мои литературные труды и научные штудии я предпочитаю всему на свете. Архиепископ Кентерберийский, примас всей Англии и канцлер этого королевства¹³, муж ученый и честный, меня настолько ценит, что будь он моим отцом или братом, невозможно любить больше. Заметь, он делал это от чистого сердца; дал мне в держание церковную должность, почти в сто ноблей¹⁴ дохода, которая потом, после моей отставки, по моему желанию была заменена на пенсион в сто крон; сверх того он дал за эти несколько лет в качестве подарков свыше четырехсот ноблей, притом, что я никогда ничего не просил. Однажды в один день дал сто сорок ноблей. От других епископов я получил свыше ста ноблей, пожертвованных безвозмездно. Господин Маунтджой, барон этого королевства, некогда мой ученик¹⁵, дал мне годовой пенсион в сто крон. Король и епископ Линкольна¹⁶, который через короля теперь может всё, великодушно предлагают многое. Здесь есть два университета: Оксфордский и Кембриджский, каждый из которых жаждет заполучить меня, ибо в Кембридже я несколько месяцев преподавал греческий язык и теологию, но бесплатно, и решил всегда поступать именно так. Здесь есть коллегии, в которых столько истинной религии, столько истинной аскезы, что если бы ты их увидел, то презрел бы любой монашеский орден [17]. В Лондоне есть господин Джон Колет¹⁷, декан собора Святого Павла, человек, сочетающий в себе величайшую ученость с замечательным благочестием и пользующийся большим авторитетом среди всех. Он так любит меня — и все это знают, — что ни с кем охотнее не предпочел бы жить, чем со мной. Я пропускаю бесчисленное множество других, чтобы не докучать вдвойне хвастовством и многословием.

Если говорить что-то о моих трудах, думаю, тебе стоит прочитать «Энхиридион»¹⁸, о котором немало людей говорили мне, что этот трактат пробудил в них стремление к благочестию. Я не приписываю это себе, но я благодарен Христу, ибо благодаря Его

¹⁰ Генрих VIII Тюдор (1509–1547). Письмо принца Эразму от 17 января 1507 г. [1, т.1, р. 436–437, Ер. 206].

¹¹ Королевский элезмозинарий (раздатчик милостыни, ведал социальным аспектом внутренней политики), при дворе Генриха VIII — Томас Уолси (1473–1530), в 1514 г. архиепископ Йоркский, папский легат в Англии.

¹² Екатерина Арагонская (1485–1536), первая жена Генриха VIII, мать будущей королевы Марии.

¹³ Уильям Уорхэм (1450–1532), архиепископ Кентерберийский, т. е. первый прелат английской церкви, с 1503 г.

¹⁴ Нобль составлял треть фунта стерлингов, доход от должности равнялся 33 ф. ст. 6 ш. 8 п. Должность ректора прихода Олдингтон (Кент) пожалована Эразму 22 марта 1512 г.

¹⁵ Уильям Блаунт, 4-й барон Маунтджой (1478–1534) — богатейший и влиятельный английский политический деятель, меценат.

¹⁶ С 26 февраля 1514 г. епископом Линкольна был Томас Уолси.

¹⁷ Джон Колет (1467–1519) — влиятельный английский церковный деятель, создатель новой грамматической школы св. Павла при кафедральном соборе Лондона [18].

¹⁸ Трактат «Оружие христианского воина» (*Enchiridion militis christiani*) опубликован в Антверпене в 1503 г.

дару удалось сделать что-то хорошее. Не знаю, видел ли ты том «Адагия», напечатанный Альдом Мануцием¹⁹. Конечно, это светская работа, но она очень полезна для лобой науки; она стоила мне поистине чрезвычайных трудов и ночных бдений. Я издал трактат «Об избытке слов и вещей»²⁰, посвященный моему Колету, труд, который принесет огромную пользу будущим проповедникам; но те, кто презирает всю хорошую литературу, презирают и эту работу. В течение последних двух лет я был занят, среди многого другого, исправлением/улучшением посланий св. Иеронима; дефектные и подложные места я ликвидировал, сделав на полях пометки, а темные — прояснил в схолиях²¹. Я исправил весь Новый Завет путем сопоставления древних и греческих рукописей и прокомментировал более тысячи мест не без пользы для теологов²². Я начал толкования Посланий Павла²³, который я закончу, как только издам Новый Завет. Ибо я решил посвятить себя до самой смерти Священному Писанию. Именно этим штудиям я посвящаю все свое время и силы. Весьма значительные люди говорят, что в этих трудах я стою большего, чем другие. При вашем образе жизни я ничего не буду стоить. Я имел общение со многими учеными и серьезными людьми и здесь, и в Италии, и во Франции, и не нашел еще никого, кто посоветовал бы мне снова вернуться к вам или кто счел бы это лучшим. И даже сам блаженной памяти господин Николас Вернер, твой предшественник, всегда отговаривал меня от этого и предлагал мне лучше поступить на службу к какому-нибудь епископу, прибавляя, что он узнал как мой характер, так и нравы своих братьев. Он сказал эти слова на своем родном языке. В том образе жизни, который я веду сейчас, я вижу то, чего мне нужно избегать; но я не вижу, что я могло бы быть лучше.

Теперь предстоит объясниться также по поводу моего облачения. Раньше я всегда носил одеяние каноников²⁴, а когда был в Лувене, испросил от епископа Утрехтского разрешение без опасения носить льняной скапуралий²⁵ вместо цельной льняной рясы и черную накидку до локтя вместо черного паллия, как это принято в Париже. Однако, когда я поехал в Италию и повсюду по пути видел, что каноники носят черную мантию с наплечником, я, чтобы никого не соблазнить необычной одеждой, стал там носить черную рясу с нарамником. Позже в Болонье разразилась чума, и там люди, ухаживающие за жертвами чумы, традиционно носят белую ленту, висящую на плече, и избегают общения с людьми. Поэтому, когда я однажды пошел навестить своего ученого друга, на меня напали какие-то негодяи с обнаженными мечами и убили бы, если

¹⁹ «Пословицы» (Adagia, 1500) — собрание античных пословиц, первое напечатанное сочинение Эразма. Альд Мануций Старший (1449–1515) — венецианский издатель и типограф, переиздал расширенную версию Adagia в 1508 г.

²⁰ Пособие по искусству элоквенции «О двойном избытке слов и вещей» (*De copia verborum ac rerum*, 1512) написано по просьбе Дж. Колета для его грамматической школы.

²¹ Издание писем Иеронима, задуманное Эразмом еще в 1500 г., опубликовано Иоганном Фробеном в Базеле летом 1516 года. Первые четыре тома из девяти включают письма.

²² В 1506–1506 гг. Эразм выполнил свой перевод Нового Завета с греческого текста. Позже, в 1516 г., он опубликовал «Новый инструментарий» (*Novum instrumentum*), включавший данный перевод и выправленный греческий текст Нового Завета с комментариями.

²³ Парафраз Послания к Римлянам предпринят около 1500 г., о чем Эразм сообщал Колету [1, т. 1, р. 404, Ер. 181]: «Около трех лет назад я дерзнул прокомментировать кое-что из Послания к Римлянам и как будто на одном дыхании написал четыре книги».

²⁴ Устав св. Августина не регламентировал облачения регулярных каноников. В Виндесхеймской конгрегации принято было носить белый льняной подрясник (тунику), нарамник (наплечник), черный шерстяной паллий с капшоном и кожаный пояс.

²⁵ Скапуралий — элемент монашеского облачения в виде широкой полосы ткани с прорезью для головы. Носится поверх туники.

бы домохозяйка не крикнула им, что я священник. Также и на следующий день, когда я пошел к сыновьям казначея²⁶, они вновь сбежались ко мне со всех сторон с дубинками и набросились на меня с громкими криками. Тогда я, по совету добрых людей, спрятал свой нарамник и добился от папы Юлия II разрешения носить или не носить облачение моего ордена по своему усмотрению при условии, что я буду носить священническую одежду; и в том же письме он дал мне полное прощение, если я ранее согрешил в этом отношении. Соответственно, в Италии я всегда носил священнические одежды, чтобы не стать для кого-то соблазном. А позже, вернувшись в Англию, я решил снова надеть свое обычное платье, пригласил к себе домой друга, известного своей благочестивой жизнью и ученостью, показал ему одеяние, которое решил носить. Я спросил его, подходит ли это для Англии. Он одобрил, и так я вышел в свет. Тотчас другие друзья предупредили меня, что носить эту одежду в Англии не стоит и что её лучше снять и спрятать. Я снял и спрятал. А поскольку невозможно скрыть так, что однажды, выйдя наружу, это вызовет скандал, я убрал одеяние в сундук и до сих пор пользовался папским разрешением. Папские законы отлучают от церкви любого, кто снимает облачение своего ордена, чтобы более свободно вращаться среди мирян. Я, однако, по необходимости снял в Италии свою рясу, чтобы не быть убитым; впоследствии я снял эту одежду по необходимости и в Англии, потому что там ее не допускали, хотя я сам предпочел бы носить ее. Если бы я снова вернулся к ней сейчас, это вызвало бы больший скандал, чем произвела сама перемена.

Вот краткий обзор моего образа жизни и моих размышлений. Я готов изменить свой образ жизни, если увижу что-то лучшее. Но я не вижу, что я мог бы делать в Голландии. Знаю, что ни климат, ни еда не подойдут мне. Все взгляды будут обращены на меня. Я, уйдя молодым человеком, вернусь старым и седым, я вернусь болезненным человеком; привыкший к уважению со стороны величайших людей, буду презираем самыми незначительными людьми. Мне придется променять мои научные занятия на пирушки. И я не представляю, как ты можешь мне помочь, как обещаешь, в поиске должности, где, как ты пишешь, я смогу жить на хорошем жаловании; как это будет, не могу представить, пожалуй, если только ты не пристроишь меня в какой-либо женский монастырь, чтобы окормлять тамошних женщин, а я никогда не хотел служить даже ни архиепископам, ни королям! Я не жажду выгоды; и не стремлюсь разбогатеть, лишь бы только мне хватало на то, чтобы поддерживать свое здоровье и научные занятия, и жить, не будучи никому в тягость. И всё же поговорить о всех этих делах было бы лучше с глазу на глаз при встрече, потому что в письме это не совсем возможно и не совсем безопасно. Ведь твое письмо, хоть и было отправлено через самых надежных людей, однако так блуждало, что если бы я сам случайно не оказался в этом замке, никогда бы его не увидел; и получил его уже после того, как его уже посмотрели многие другие. Поэтому, если ты не уверен, где я нахожусь, или у тебя нет очень надежного письмоносца, не стоит писать мне ничего сокровенного. Сейчас я собираюсь в Германию, а именно в Базель, намереваюсь опубликовать плоды ночных размышлений²⁷, а зимой, возможно, буду в Риме.

²⁶ Жером Лауверин (ум. 1519) — камергер и казначей эрцгерцога Филиппа Бургундского. Младший сын Жерома Марк Лауверин (1488–1546) был другом Эразма.

²⁷ Том под названием «Ночные размышления» (*Lucubrationes et lucubrations*), включавший духовные сочинения («Оружие христианского воина», «Пеан Деве Марии», «Похвала мальчику Иисусу», «Толкование псалма 1», «Небольшой спор о томлении, страхе и скорби Христа», «Песнь об ангелах», «Песнь о доме, в котором родился Христос») увидел свет в Страсбурге в 1516 г.

Когда вернусь, позабочусь, чтобы мы могли где-нибудь встретиться. Но теперь лето уже почти закончилось, и мне предстоит долгий путь. От Сасбауда и его жены узнал о смерти Виллема, Франса и Андреаса²⁸. Передай мой поклон господину Хендрику²⁹ и всем остальным, живущим с тобой, к которым я испытываю должное почтение. Ибо я виню в своих прошлых трагедиях мои ошибки или, если хочешь, мою судьбу. Я получил твое письмо, написанное в пасхальный понедельник (18 апреля), 7 июля. Прошу тебя, не забывай просить о спасении моей души в своих благочестивых молитвах Христу. Если бы я знал наверняка, что для Него правильнее, дабы я вернулся в ваше сообщество, я сегодня же отправился бы в путь. Прощай, когда-то мой самый любимый друг, а теперь мой преподобный отец.

Из замка Хэм близ Кале, 8 июля 1514 года.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Erasmus, Desiderius. Opus epistolarum Desiderii Erasmi Roterodami* / ed. P.S. Allen, H.M. Allen, H.W. Garrod. 11 vols. Oxford: The Oxford University Press, 1906–1947.
2. *Vredeveld, H. The Ages of Erasmus and the Year of His Birth* // *Renaissance Quarterly*. 1993. Vol. 46. No. 4. P. 754–809.
3. *Григорьева, Е.А., Софронова, Л.В. Compendium vitae Эразма Роттердамского: автобиография ренессансного ученого* // *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология, Экономика. Информатика*. 2014. № 15 (186). С. 60–67.
4. *Garrod, H.W. Erasmus and his English Patrons* // *The Library*. 5th Series. 1949. Vol. 4. No. 1. P. 1–13.
5. *Erasmus and Cambridge: The Cambridge Letters of Erasmus* / trans. D.F.S. Thomson with introduction, notes and commentary by H.C. Porter. Toronto: University of Toronto Press, 1963. P. 1–24.
6. *Rummel, E. “Fertile Ground”: Erasmus’s Travels in England* // *Travel and translation in the Early Modern period* / ed. by C.G. di Biase Amsterdam: Brill, 2006. P. 45–52.
7. *Григорьева, И.Л. Эразм Роттердамский о реформе католической церкви (по корреспонденции гуманиста до 1517 г.)* // *Культура Возрождения и религиозная жизнь эпохи*. М.: Наука, 1997.
8. *Репина, Л.П. Персональные тексты и «новая биографическая история»: от индивидуального опыта к социальной памяти* // *Сотворение истории: человек — память — текст*. Казань, 2001. С. 344–345.
9. *Бабаева, А.В., Шмелева, Н.В. Репрезентация «человеческой исключительности» в культурном потоке Нового времени* // *Вестник Мининского университета*. 2022. Т. 10. № 1 (38).
10. *Erasmus, Roterodamus. De Contemptu mundi epistola* // *Erasmus Roterodamus. Opera omnia Desiderii Erasmi Roterodami. Ordo V. Vol. 1*. Amsterdam: North-Holland Publishing Company, 1977. P. 37–86.
11. *Krivatsy, P. Erasmus’ Medical Milieu* // *Bulletin of the History of Medicine*. 1973. No. 17. P. 113–154.

²⁸ Собратья Эразма по монастырю: Виллем Харменс из Гауды (ум. 18 июля 1510 г.), Франс Диркс, (ум. 8 сентября 1513 г.), Андреас не идентифицирован; Сасбауд, живописец, член Эразмова гуманистического литературного кружка, мирянин.

²⁹ Неизвестен.

12. *Gundersheimer, W.L.* Patronage in the Renaissance: An Exploratory Approach // Patronage in the Renaissance / ed. by G.F. Lytle, S. Orgel. Princeton: Princeton University Press, 1981. P. 3–24.
13. *Маркиш, С.П.* Прощание с Эразмом, или был ли Эразм антисемитом // Непрошедшее прошлое. Т. 2. Budapest: ELSE-MŰMŰ, 2021. С. 23–32.
14. Ron N. Erasmus and the “Other”: On Turks, Jews, and Indigenous Peoples. Cham: Springer, 2019. P. 127–141.
15. *Софронова, Л.В., Хазина, А.В.* К вопросу об эмотивной специфике посланий Эразма Серватию Рогеру // История. 2015. № 9 (42).
16. *Stevens, F.T.* Erasmus’s “Tigress”: The Language of friendship, Pleasure and the Renaissance Letter // Queering the Renaissance / ed. by J. Goldberg. Durham NC: Durham University Press, 1992. P. 124–140.
17. *Волкова, Ю.А., Суровегина, Е.С.* Sacrarhetorica: Джон Фишер и искусство проповедования // Современная научная мысль. 2019. № 5. С. 10–14.
18. *Софронова, Л.В.* Эразм о Джоне Колете и Жане Витрие: собирательный образ «христианского гуманиста» // Средние века. 2010. Т. 71. № 1–2. С. 242–266.

REFERENCES

1. Erasmus, Desiderius. *Opus Epistolarum Desiderii Erasmi Roterodami*, ed. P.S. Allen, H.M. Allen, H.W. Garrod, 11 vols. Oxford, The Oxford University Press, 1906–1947.
2. Vredeveld, N. The Ages of Erasmus and the Year of His Birth, *Renaissance Quarterly*, 1993, vol. 46, No. 4, pp. 754–809.
3. Grigoreva, E.A., Sofronova, L.V. Compendium vitae Erazma Rotterdamskogo: avtobiografiya renessansnogo uchenogo [Compendium vitae of Erasmus of Rotterdam: the autobiography of a Renaissance scientist], *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya, Ekonomika. Informatika* = Scientific Bulletin of Belgorod State University. Series: History. Political Science, Economics. Computer Science, 2014, No. 15 (186), pp. 60–67. (in Russ.)
4. Garrod, H.W. Erasmus and his English Patrons, *The Library*, 5th Series, 1949, vol. 4, No. 1, pp. 1–13.
5. *Erasmus and Cambridge: The Cambridge Letters of Erasmus*, trans. D.F.S. Thomson with Introduction, Notes and Commentary by H.C. Porter. Toronto, University of Toronto Press, 1963, pp. 1–24.
6. Rummel, E. “Fertile Ground”: Erasmus’s Travels in England. *Travel and Translation in the Early Modern Period*, ed. by C.G. di Biase Amsterdam, Brill, 2006, pp. 45–52.
7. Grigoreva, I.L. Erazm Rotterdamskij o reforme katolicheskoj cerkvi (po korrespondencii gumanista do 1517 g.) [Erasmus of Rotterdam on the Reform of the Catholic Church (According to the Correspondence of the Humanist before 1517)]. In: *Kultura Vozrozhdeniya i religioznaya zhizn epohi* [Renaissance Culture and Religious Life of the Epoch]. Moscow, Nauka, 1997. (in Russ.)
8. Repina, L.P. Personalnye teksty i “novaya biograficheskaya istoriya”: ot individualnogo opyta k socialnoj pamyati [Personal Texts and a “New Biographical History”: From Individual Experience to Social Memory]. In: *Sotvorenie istorii: chelovek — pamyat — tekst* [The Creation of History: Man — Memory — Text]. Kazan, 2001, pp. 344–345. (in Russ.)
9. Babaeva, A.V., Shmeleva, N.V. Reprezentaciya “chelovecheskoj isklyuchitelnosti” v kulturnom potoke Novogo vremeni [Representation of “Human Exclusivity” in the Cultural Stream of Modern Times], *Vestnik Mininskogo universiteta* = Bulletin of the Minin University, 2022, vol. 10, No. 1 (38). (in Russ.)

10. Erasmus, Roterodamus. De Contemptu mundi epistola. *Erasmus Roterodamus. Opera omnia Desiderii Erasmi Roterodami. Ordo V, vol. 1.* Amsterdam, North-Holland Publishing Company, 1977, pp. 37–86.
11. Krivatsy, P. Erasmus' Medical Milieu, *Bulletin of the History of Medicine*, 1973, No. 17, pp. 113–154.
12. Gundersheimer, W.L. Patronage in the Renaissance: An Exploratory Approach. *Patronage in the Renaissance*, ed. by G.F. Lytle, S. Orgel. Princeton, Princeton University Press, 1981, pp. 3–24.
13. Markish, S.P. Proshchanie s Erazmom, ili byl li Erazm antisemitom. *Neproshedshee proshloe*, vol. 2. Budapest, ELSE-MűMű, 2021, pp. 23–32. (in Russ.)
14. Ron N. *Erasmus and the "Other": On Turks, Jews, and Indigenous Peoples*. Cham, Springer, 2019, pp. 127–141.
15. Sofronova, L.V., Hazina, A.V. K voprosu ob emotivnoj specificke poslanij Erazma Servatiyu Rogeru [On the Question of the Emotive Specificity of the Epistles of Erasmus to Servatius Roger], *Istoriya = History*, 2015, No. 9 (42). (in Russ.)
16. Stevens, F.T. Erasmus's "Tigress": The Language of Friendship, Pleasure and the Renaissance Letter. *Queering the Renaissance*, ed. by J. Goldberg. Durham NC, Durham University Press, 1992, pp. 124–140.
17. Volkova, Yu.A., Surovegina, E.S. Sacrarhetorica: Dzhon Fisher i iskusstvo propovedovaniya [Sacrarhetorica: John Fisher and the Art of Preaching], *Sovremennaya nauchnaya mysl = Modern Scientific Thought*, 2019, No. 5, pp. 10–14. (in Russ.)
18. Sofronova, L.V. Erazm o Dzhone Kolete i Zhane Vitrie: sobiratelnyj obraz "hristianskogo gumanista" [Erasmus on John Colet and Jean Vitry: The Collective Image of the "Christian Humanist"], *Srednie veka = The Middle Ages*, 2010, vol. 71, No. 1–2, pp. 242–266. (in Russ.)

Софронова Лидия Владимировна, доктор исторических наук, доцент, профессор, кафедра всеобщей истории, классических дисциплин и права, Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина, lidiasof@yandex.ru

345

Lidia V. Sofronova, ScD in History, Associate Professor, Professor, General History, Classical Disciplines and Law Department, K. Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University. lidiasof@yandex.ru

Чугунова Татьяна Георгиевна, кандидат исторических наук, доцент, кафедра всеобщей истории, классических дисциплин и права, Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина, tat-chugunova@yandex.ru

Tatyana G. Chougounova, PhD in History, Associate Professor, General History, Classical Disciplines and Law Department, K. Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University, tat-chugunova@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 28.12.2023. Принята к публикации 19.01.2024

The paper was submitted 28.12.2023. Accepted for publication 19.01.2024